

Мишель Сапане
судебно-медицинский эксперт

РЕПОРТАЖ ИЗ МОРГА

Как судмедэксперт
заставляет говорить
мертвых

НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ
ПРИЧИНЫ

Мишель Сапане
Репортаж из морга. Как
судмедэксперт заставляет
говорить мертвых
Серия «Неестественные причины.
Книги о врачах, без которых
невозможно раскрыть преступление»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65496851

*Репортаж из морга: как судмедэксперт заставляет говорить
мертвых:
ISBN 978-5-04-155178-0*

Аннотация

Мишель Сапане – судмедэксперт с более чем 30-летним стажем работы. Каждый год его команда вскрывает и изучает более 450 тел, помогая следствию установить причины смерти и даже найти преступника.

Повешенный бизнесмен с пулей в голове, мертвец без лица у железной дороги, задушенный мужчина в советском противогазе... У всех них разные загадочные истории, но один конец – на столе для вскрытий Мишеля Сапане.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Кровотечение	9
Времена меняются	21
Прикончите их!	24
Драма в бункере	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мишель Сапане
Репортаж из морга: как
судмедэксперт заставляет
говорить мертвых

*Дельфине, моей соучастнице в повседневной
жизни и литературных приключениях.*

*Этьену, чье появление в институте судебной
медицины в Пуатье вдохновило этот труд.*

© О.С. Кураш, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Der Teufel steckt im Detail.¹

Книга, которую вы держите в руках, – четвертая крупная работа, опубликованная мной. Я судебно-медицинский эксперт, и ничто не предвещало мне писательской карьеры.

Обладая научной подготовкой и бесконечным любопытством, я хотел стать ученым, искателем. Но обстоятельства вынудили меня взять курс на медицину с дальнейшей специализацией в челюстно-лицевой хирургии и стоматологии. А в судебную медицину меня привели тет-а-тет с черепом и задача установить личность его владельца, поставленная полицейским. В конце концов, я зашел даже дальше, чем мечтал: все-таки стал исследователем, ищущим доказательства и устанавливающим истину, но только в телах моих современников, чего и представить себе не мог.

В писательство я попал по стечению обстоятельств, а также благодаря встрече с Ги Бенаму – писателем и независимым журналистом. Судьбоносное событие произошло во время одного очень серьезного обеда, на который собрались около двадцати специалистов различного профиля. После двух дней публичных обсуждений мы должны были за сорок восемь часов разработать рекомендации по проведе-

¹ Дьявол кроется в деталях (нем.). – Прим. перев.

нию судебно-психиатрической экспертизы. Солидное мероприятие.

В первый вечер нашего конклава я уступил всеобщему любопытству. «Судмедэксперт? Вы судмедэксперт? Должно быть, вы всякого насмотрелись!»

Услышав, как я развлекаю историями сотрапезников, пока они наслаждаются ужином, Ги задал мне очевидный вопрос: «Ты никогда не думал сделать из своих историй книгу? Я найду тебе редактора». Шесть месяцев спустя Жан-Клод Гавсевич, столь же очарованный моими рассказами, как и участники конклава, приехал в Пуатье на встречу со мной. Так начались мои литературные приключения.

Писать для широкой публики было непросто. Мне потребовалось некоторое время, чтобы найти свой стиль. Все, что пишет судебно-медицинский эксперт, будь то заключения по проведенным экспертизам или другие рабочие документы, обычно очень точно, выдержано в строгом стиле и трудно для понимания неспециалиста. Поэтому мне пришлось положиться на свой опыт рассказчика.

Я делился историями, чтобы развлечь окружающих и удовлетворить их любопытство, поэтому и истории эти должны были быть простыми и понятными, как во время дачи показаний в суде ассизов². Из опыта чтения лекций я понимал,

² Суд ассизов во Франции – это судебный орган, который созывается и формируется по мере накопления уголовных дел (обычно ежеквартально). В его состав

что за подобным любопытством также стоят вопросы о моей профессии, причинах проведения аутопсии³, преступлениях и смерти. И я должен был на них ответить.

В конце концов я решил записать свои истории примерно так же, как их рассказываю.

Однако сама тема довольно мрачная. Моя профессия сопряжена с личными рисками, она требует умения абстрагироваться от объекта исследования, сохраняя уважительное отношение к человеку.

Я дистанцируюсь при помощи юмора, прибегать к которому приходится нередко. Я прилагаю все усилия, чтобы установить истину, выражая таким образом уважение к человеческому достоинству. Именно такое видение своей работы мне хотелось передать в книге.

Эта четвертая книга – новое погружение в самые трагические глубины человеческой безнравственности.

И хотя сейчас судебная медицина определяет себя как медицину ситуаций насилия, какими бы они ни были, постепенно расширяя сферу своей деятельности до терапевтической помощи жертвам, главный предмет этой книги – основа

ве действуют как профессиональные (председатель и два ассессора), так и непрофессиональные судьи (жюри присяжных из шести-девяти граждан), совместно решающие вопросы виновности и наказания. Суды ассизов рассматривают дела о преступлениях (наиболее тяжких нарушениях уголовного закона) по первой инстанции и в апелляционном порядке. – *Прим. перев.*

³ Патолого-анатомическая или судебно-медицинская процедура, посмертное вскрытие и исследование тела, в том числе внутренних органов. – *Прим. ред.*

профессии, смерть.

В этой книге, как и в первых моих произведениях, почетное место отведено заседаниям суда ассизов, которые происходят с участием судмедэкспертов, и поиски истины на них достигают своего апогея. Охватывая период с XVIII по XXI век, книга знакомит читателя с подчас неожиданными героями.

Я говорю спасибо Ги Бенаму и издательству «Плон», благодаря которым вновь взялся за перо.

Кровотечение

Эта поездка кажется бесконечной. Южный ветер иссушает провинцию Пуату. Вот уже час мы едем по пустынной равнине. Неурожай, скотина на полях истощена, вареной травой ее не прокормить. Мы с прокурором трясемся по извилистой дороге, ведущей к замку, расположенному довольно далеко от Пуатье.

– Доктор, об этой жуткой истории нам доложили только сегодня утром.

«Нам» – это значит «нашему величеству»: прокурор высоко ценит свое положение и очень остро осознает собственную власть.

– Я сразу же отправил туда маршалов, чтобы никто не прикасался к телу, пока вы его не осмотрите. Инструменты у вас с собой?

– Вы же знаете, я с ними не расстаюсь!

Я смотрю на чемоданчик у своих ног, подаренный родителями в день защиты диссертации. Это был памятный день. Как они тогда поразились помпезности обстановки! На стенах теснились портреты сменявших друг друга деканов факультета, бюст Гиппократов терпеливо ожидал на колонне, когда я повернусь к нему и принесу первую в своей жизни клятву.

Моя мать, очень верующая, была потрясена, услышав, как я клялся «Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панацеей, всеми богами и всеми богинями», но декан был нежно привязан к этому варианту текста клятвы.

Отец к тому моменту уже давно отошел от религии; несомненно, смерть его младшего брата в 17 лет от молниеносной дифтерии была с этим как-то связана. Но самым волнующим для родителей был момент, когда президент в черной с красным атласом кисейной мантии надел эпитогу⁴ поверх моего плаща.

За несколько лет практики мой чемодан пополнился инструментами, связанными как с повседневной врачебной практикой, так и со вскрытием умерших. Я быстро понял, что последние, хотя и вызывают интерес очень немногих специалистов, тоже заслуживают внимания. Вот почему я приобрел набор инструментов для вскрытия, и он по-прежнему составляет предмет моей гордости. Что касается моих работ по судебной медицине, они нашли свое законное место в домашней библиотеке.

⁴ Одежда, которую носят через левое плечо, иногда составляет часть академической или придворной одежды. Обычно встречается во французских университетах, где полосы обреза горноста обозначают степени (одна полоса – для бакалавра, две – для магистра и три – для доктора). В Соединенном Королевстве и Ирландии эта одежда чаще используется для обозначения дипломов, а не ученых степеней. – *Прим. ред.*

Прокурор редко отправляет меня на осмотр тела в дом покойного, но в этот раз он явно хотел поговорить со мной подальше от чужих ушей.

– Доктор, дело деликатное. Жертва – важный в нашем городе человек, очень влиятельный, знатного происхождения.

Я знаю, что прокурор так откровенен со мной только благодаря моему званию, приобретенному годами упорной практики, и благодаря самому опыту работы с трупами. Прокурор нуждается во мне. В противном случае меня вызвал бы простой жандарм в штатном режиме.

– Возможно, преступление совершено из корыстных побуждений – покойный был богат. Или связано с политикой: он был влиятелен, а у таких людей много врагов. Тогда дело приобретает еще более деликатный характер. Однако...

Прокурор на мгновение делает паузу, чтобы следующие его слова звучали весомее.

– Однако ситуация может оказаться и более затруднительной. Вероятно, в этом деле политика переплетена с вопросами морали. Как вы понимаете, я рассчитываю на то, что вы сохраните все в тайне – возможно, в деле замешаны самые высокие фигуры в городе. Мои полицейские хорошо осведомлены.

– Разумеется, господин прокурор. Вы же знаете, я могила.

– Докладывать будете только мне.

– Как и всегда, господин прокурор.

– Я предпочитаю, чтобы вы оставались в неведении отно-

сительно личности покойного. Хотя с вашим подходом вы легко узнаете, кто это...

– Ничего страшного, господин прокурор. Достаточно, если вы подтвердите, что опознали его, о чем я упомяну в своем заключении, где буду называть его «г-н Аноним, чья личность известна одному лишь прокурору».

– Идеально. Вы быстро схватываете.

– Это полезное для врача качество, очень ценится пациентами.

– И мертвыми?

– И ими тоже. Тела разлагаются быстро, и время не ждет.

– Мы едем в его охотничий замок. Эти места очень богаты дичью. Все леса и поля, через которые мы проезжаем, принадлежали ему. Аноним со своими высокими гостями устраивал тут псовую охоту.

Я понимаю, что вступаю в чуждый мне мир и придется быть еще осмотрительнее, чем обычно.

Мы въезжаем в ворота замка, охраняемые двумя гвардейцами. Аллея, ведущая к дому, кажется бесконечной, а поместье – огромным. Фасад соответствует, гармонично сочетаясь с двумя угловыми эркерами⁵ на квадратной башне у входа. Замок в трауре, о чем свидетельствуют два спущенных из эркеров черных полотна, украшенных гербом хозяина здешних мест.

⁵ Маленькие круглые башенки на консольных балках. – *Прим. авт.*

Экипаж останавливается у подножия монументальной лестницы, ведущей ко входу. У дверей ожидает дворецкий, нестигаемый, как правосудие. Вся прислуга выстроилась вдоль ступеней в окружении десятка жандармов.

Лакей открывает дверцу экипажа, и мы с радостью его покидаем: внутри удушающе жарко. Капитан жандармерии, мой добрый друг, приветствует меня коротким кивком – это разительно отличается от свойственного ему сердечно-го приветствия и настораживает, если не сказать – вызывает беспокойство. То, как он держится со мной, говорит о его внутренней напряженности. Среди палящей июльской жары меня обдает холодом от этого ледяного приема...

В огромном вестибюле четыре гигантские свечи, сейчас не зажженные, возвышаются по углам покрытого черным атласом подноса. Мы поднимаемся наверх по величественной винтовой лестнице из камня и через потайной ход выходим на узкую лестницу, ведущую на чердак. У двери – двое часовых, еще двое жандармов ожидают возле носилок.

– Доктор, я рассчитываю на вас. Капитан уже опознал анонима. Я не буду вам рассказывать об обстоятельствах обнаружения тела или о том, что здесь происходило последние три дня. Незнание – ваша лучшая защита.

– Разумеется. Я в вашем распоряжении, что мне нужно сделать?

– Мне будет достаточно знать, наступила ли смерть от естественных причин, или в ней есть что-то подозрительное.

Проведите здесь первичный осмотр, затем мы спустим тело в одну из гостиных – там у вас будет достаточно места, чтобы провести вскрытие, если я решу, что оно все же понадобится. Мы уже все подготовили.

Проходя по вестибюлю, я действительно видел анфиладу очень светлых комнат, весьма приятных, но не слишком подходящих для моей работы: деревянные панели, красивый камин и пушистый ковер – этот дом требователен к чистоте.

Я собираюсь войти один. Открыв дверь, делаю шаг назад: запах омерзителен. Осматривать место обнаружения трупа мне придется задерживая дыхание – только так можно вынести это зловоние.

Комната, большая и перегретая, погружена в сумрак. В центре комнаты я вижу тело мужчины в коленно-грудном⁶ положении, выставившего на обозрение свой таз. Нижняя часть тела обнажена, только на ногах по-прежнему надеты лакированные ботинки. Сверху на нем черный сюртук, элегантный вышитый жилет, на шее – галстук, который, как мне кажется, затянут туго, чем следует. Связанные запястья присоединены к кольцу, закрепленному в полу. Рядом хлыст.

Я осторожно приподнимаю одежду: спина испещрена темно-красными отметинами, контрастирующими с зеленова-

⁶ В таком положении человек стоит на коленях, корпус опущен вперед и вниз, голова соприкасается с полом, таз – самая верхняя точка тела. – *Прим. авт.*

тым цветом кожи⁷ – оттенок свидетельствует о прогрессирующем разложении, объясняющем запах. Глаза выпучены, в уголках – личинки, еще маленькие. Под светлой кожей заметно выступают черные вены. Губы распухли, увеличившись вдвое. Пол рядом со ртом испачкан в жидкости, напоминающей кровь.

На месте ануса образовалась выпуклость размером с яблоко⁸. Тестикулы⁹ под ним стали огромными и скрывают крошечный пенис.

Вставляя зонд в анальное отверстие, я почувствовал сопротивление: у анонима в прямой кишке что-то есть. Как бы я ни пытался обогнуть этот предмет зондом, границ предмета найти не смог. Я уже представляю себе аутопсию и кажется, догадываюсь, что там внутри.

Вытащив блокнот, я быстро зарисовываю окружающую обстановку. Это очень удобно – так я могу зафиксировать самое главное, не теряясь в деталях.

⁷ Зеленоватый оттенок кожи – в танатологии это так называемая трупная зелень; просвечивающие вены темной окраски имеют название «гнилостная венозная сеть». Происходит это в результате размножения и жизнедеятельности гнилостной микрофлоры, при этом образуется сероводород, который, взаимодействуя с гемоглобином, вызывает образование сульфгемоглобина, имеющего зеленую, темно-зеленую и даже черную окраску. – *Прим. науч. ред.*

⁸ Прямую кишку вытеснили наружу гнилостные газы. – *Прим. науч. ред.*

⁹ Яички (семенники, гонады) – парная мужская железа, выполняющая репродуктивную (генеративную) и эндокринную (гормонопродуцирующую) функции. – *Прим. ред.*

Не забываю отметить и множество принадлежностей, висящих на стене: плети, цепи, железные груши, ботинки с шипами на внутренней стороне... Эта весьма информативная атрибутика свидетельствует о склонности местного властелина к фантазиям о подчинении. Какой контраст с его показной мощью! Впрочем, с таким парадоксом я уже сталкивался.

Сделав глубокий вдох через рот и задержав дыхание, я перерезал веревку и освободил запястья трупа.

За пределами комнаты можно снова нормально дышать. Держа правой рукой на уровне плеча испачканный зонд, а левой – чемоданчик, я иду к прокурору. Отвратительный запах, который я принес с собой, заставляет его пятиться, пока он не упирается спиной в стену. Его лицо бледнеет.

Мне хочется маленького реванша в этой игре во власть: я подвигаюсь ближе к прокурору и вкрадчиво, еле слышно, как будто стараясь сохранить секрет, описываю ему во всех подробностях состояние разлагающегося тела, размахивая зондом в считанных сантиметрах от его лица. Он следит за движением инструмента, словно за гипнотизированный. Мне известна сила этих миазмов и образов, которые подстегнут его воображение. Я встречаюсь взглядом с капитаном – на его лице блуждает легкая улыбка. Он все понял и предусмотрительно отходит в сторону.

Все еще прислоняясь к стене, прокурор оседает. В его гла-

зах – отблеск паники, как будто он видит смерть. Лицо его зеленеет. Он резко складывается пополам и извергает из себя обед на собственные лакированные туфли. Я еле успеваю отскочить, объявляя обычным голосом: «Хорошо бы сейчас отнести тело вниз». Прокурор молча кивает.

Через час тело, расплавленное и лежащее на спине, прибывает в гостиную, окончив свое опасное путешествие. Из окна пышет жаром. Я уже представляю себе обратный путь, в который, без сомнения, отправлюсь с моим другом-капитаном. Прокурор наверняка не захочет, чтобы я ехал с ним: от меня слишком дурно пахнет, к тому же я уже больше ничем не смогу быть ему полезен.

– Нужно положить его на стол, чтобы всем было хорошо видно.

Голос прокурора потерял оттенок превосходства, но по-прежнему звучит уверенно.

– Разумеется. Что нам нужно делать? Раздеть его?

– Мы должны заставить тело говорить. Оно должно быть обнажено. Так что, да, пожалуйста, разденьте его. Капитан, позовите всех слуг и запускайте их по очереди.

Магистрат подчиняется. Он мягко помахивает под носом вышитым носовым платком, добавляя к окружающему зловонию сильный запах парфюма.

Немного погодя слуги по очереди обходят тело, держась на расстоянии, и выходят из комнаты, один бледнее другого.

Прокурор сосредоточен и не сводит глаз с тела.

Церемония это небыстрая, а запах тем временем становится все нестерпимее. Я понимаю, что тело лежит под прямыми солнечными лучами и продолжает постепенно разбухать. Живот вздувается. Я опасаясь худшего.

Последним подходит дворецкий. Когда он останавливается перед телом по приказу капитана, в животе трупа, кажется, начинается движение. Все происходит быстро. Вязкая, кровянистая, почти черная жидкость сначала просто сочится из носа и рта, а затем начинает течь все быстрее и быстрее, обильно заливая стол, а потом и пол, до сих пор остававшийся безупречно чистым. Трупная сукровичная жидкость. Я наблюдаю, как живот медленно сдувается. Наконец поток останавливается, и мы слышим какой-то хриплый стон¹⁰.

Дворецкий застыл, побелев как полотно, в то время как прокурор, напротив, обрел прежний цвет лица и восстановил бодрость духа.

– Вот видите, доктор, тело заговорило. Оно указало на своего убийцу. Капитан, задержите дворецкого. Доктор, тело ваше, можете вскрывать. Мне любопытно, что же там внутри.

Я уже было приступил к вскрытию, как откуда-то издали ко мне обращается голос.

¹⁰ При прохождении воздуха через голосовые связки может образовываться звук, похожий на стон. – *Прим. науч. ред.*

«Мишель Сапанэ, мы собрались здесь, чтобы обсудить методы исследования, которые можно было бы применить в дознании и поисках доказательств еще до появления результатов судебно-медицинской экспертизы. Каково ваше мнение относительно взглядов на трупное кровотечение в свете научных знаний того времени, то есть девятнадцатого века?»

Образ тела на столе передо мной внезапно исчезает. Я прилагаю отчаянные усилия, чтобы вернуться в реальный мир.

Вообще-то я нахожусь в Пуатье, в здании отеля Фюмэ, в помещении исторической кафедры гуманитарного факультета. Рядом со мной сидят историки, юристы и другие высококвалифицированные ученые, корифеи в своих сферах. Фредерик Шово, научный руководитель исследования, пригласил меня оценить диссертацию Сандры Мененто¹¹ по современной истории. Пока я с энтузиазмом слушал их обсуждение, мои мысли переместились на несколько веков назад.

В давние времена трупные явления, теперь хорошо изученные, трактовались неправильно и могли привести к осуждению невиновных.

«Господин прокурор, прошу прощения, господин председатель [смех среди членов диссертационного совета и публики], трупное кровотечение рассматривалось как акт бо-

¹¹ «Структура, ограничения и условия кадаврической экспертизы во Франции XIX века». Университет Пуатье, 10 марта 2009 года. – *Прим. авт.*

жественного вмешательства, разоблачавший виновного. Во время проведения опыта с кровотечением ожидали проявления определенных признаков. Подозреваемый должен был оказаться рядом с телом жертвы, осмотреть труп, назвать его по имени, один или несколько раз обойти вокруг, при этом не прикасаясь к нему. Если тело жертвы начинало источать кровь через раны, нос или другое отверстие, это означало, что жертва обвиняет подозреваемого. Судьям потребовалось время, чтобы осознать истинную природу этого чудесного доказательства и оспорить практику „суда Божьего“, верша правосудие от его имени. А для этого, прежде всего, требовалось, чтобы наука развивалась, требовалось накопление фактов в судебной медицине...»

Все в порядке, мой мозг воссоединился с реальностью, и я вернулся в XXI век.

Времена меняются

Я судмедэксперт.

Свой путь в профессии я начинал в те времена, когда аутопсия занимала центральное место в судебной медицине. Это было уединенное занятие. Образ профессии, вероятно, этому способствовал – долгое время я слышал: «Как вы можете заниматься таким?»; а в глазах собеседников, казалось, читал: «Он, наверное, странный, раз выбрал такое дело».

Насколько преступление вызывало любопытство, настолько же вскрытие – отвращение.

Тем более что обычные люди не считали оправданным осмотр внутренностей с погружением рук внутрь: в случае насильственной смерти причина чаще всего бывает очевидна – зачем множить насилие над телом?

Потом все изменилось.

Внезапно у дверей службы судебной медицины стали толпиться люди, чувствующие призвание к профессии, и я совсем не понимал, откуда они взялись: со студентами-медиками все понятно («Я с самого детства мечтал стать судмедэкспертом»), но были и юные лицеисты, которые непременно хотели пройти свою наблюдательную стажировку¹² в отде-

¹² Наблюдательная профессиональная стажировка – обязательная стажировка во французских школах для учеников возраста около 14 лет. Цель этой профориентационной стажировки – дать ученикам возможность проверить, подходит ли

ле судебной медицины. За неимением лучшего объяснения я считал это влиянием сериала «Эксперты», в котором эlegantные спецы из криминалистики решают самые сложные головоломки менее чем за час.

Произошла ошибка, как в подборе актера на роль, – путаница между ролью криминалиста и судебно-медицинского эксперта. Но это не имело значения, имидж профессии начал меняться. Эффект двойного отстранения: под оком камеры вымысел и реальность сливаются, а видео на тему медицины, часто не соответствующее действительности, устраняет материальность тела.

Если следовать кратчайшим путем, остается лишь шаг до того, как вскрытие станет виртуальным. Триумф технологий возведен, а конец вскрытия трупов ножом поставлен в планграфик. Я уже представляю себе комментарии: «Отличная работа! Такое подробное исследование тела, и это притом, что вы его даже не касаетесь...»

В то же время видео-конференц-связь проникает в залы судебных заседаний и сильнее отдаляет выступающего судмедэксперта и его аудиторию.

Дальнейшее предсказуемо: когда-нибудь подсказки, которые дает нам тело, будут описывать мой голографический аватар, усиленный искусственным интеллектом.

Он же будет сводить воедино кусочки головоломки, эти

маленькие фрагменты истины, чтобы рассказать о последних мгновениях человеческой жизни, пролить свет на причины смерти, особенно на ее обстоятельства.

Судмедэкспертам больше не нужно будет взывать к воображению присяжных, которые будут сразу погружаться в самый центр места преступления, реконструированного в трех измерениях, тоже голографического.

Еще я представляю себе возвращение мертвых к живым – на краткий миг, в самый момент смерти. Я представляю себе потрясение семьи, телепортированной в этот непередаваемый ужас, в последовательность событий, которые превращаются в бесконечно повторяющуюся петлю...

В этом будущем, и – возможно, уже завтра – разве судмедэксперт не рискует однажды лишиться души? Остаться человеком, несмотря ни на что, – вот вызов времени, стоящий перед экспертом.

Прикончите их!

Понедельник. Понедельник – день тяжелый. Звучит избито, но действительность в институте судебной экспертизы именно такова. Просыпаясь в понедельник, я уже знаю, что сегодня нам придется работать вдвое больше, чем в другой день, чтобы справиться с наплывом работы, поступившей за выходные. Что, несмотря на старание команды, вечером мы все равно не закончим. И что вторник будет еще тяжелее, потому что в дополнение к работе, оставшейся с выходных, на очереди уже будут и те трупы, которые поступили в понедельник.

И если у меня и оставались какие-то сомнения относительно ожидающего меня сценария, звонок из секретариата их развеивает. «Доброе утро, шеф, извините, что так рано. Сегодня по графику с утра Мари, но она не сможет прийти – у нее заболел ребенок. Вы проведете дополнительное вскрытие?»

Ну, нечего тянуть. В доме, все еще загроможденном брошенными рюкзаками и чемоданами, слышится тревожный шум. Мы вернулись с катания на лыжах вчера вечером, и все еще усталые мальчишки теперь никак не могут подняться.

Я готовлю всем хлопья на завтрак, глотаю кофе и сажусь на сиденье с подогревом своего «Рено-Эспас» – за это небольшое излишество я заплатил на случай стужи. И сей-

час чувствую, что не зря потратился: на улице стоит собачий холод. Ничего удивительного, все-таки февраль. Климат во Вьенне довольно мягкий, но я все еще с горечью вспоминаю семнадцатиградусный мороз в январе 1985 года, нанесший непоправимый урон моему саду.

Думать о предстоящих вскрытиях, сидя в заледеневшем автомобиле, немного легче, если спина и ягодицы в тепле.

Конечно же, поскольку понедельник – день тяжелый, выясняется, что моя секретарша меня обхитрила, чтобы я точно согласился на дополнительное вскрытие: на самом деле меня ждет не один, а два трупа.

По словам старшего следователя, супруги стали жертвами вспышки гнева. Вопреки привычке, полицейский почти ничего не говорит мне о деле и угрюмо молчит в своем углу. Очевидно, он все еще под впечатлением от места преступления, где побывал накануне. «Доктор, только представьте себе. Мы входим в комнату, а на полу – толстенный слой крови, не меньше двух сантиметров толщиной. Меня чуть не стошнило. Наверное, я больше никогда не смогу есть кровяную колбасу. Впрочем, я привез фотографии».

Он передает мне мышь от своего компьютера. Я листаю фотографии, внутренне возмущаясь: они что, не считают нужным вызывать нас на явно уголовное происшествие?

Ведь когда судмедэксперт и следователь знакомятся с точкой зрения друг друга на месте преступления,

это взаимно обогащает выводы и часто облегчает дачу показаний в суде.

От одной фотографии к другой я перемещаюсь по дому. Строгий интерьер, обставленный со вкусом и простотой. Все опрятно, нет следов борьбы, никаких улик, о чем свидетельствует отсутствие маленьких желтых пронумерованных табличек, хорошо знакомых любителям детективных сериалов.

Из коридора я «захожу» в спальню: кровать, два тела. Мужчина в пижаме, женщина в ночной рубашке. Их тела переплетены, плечи на краю матраса. Головы, свисающие с кровати, наклонены, как будто они пытались поцеловать друг друга в последний раз, на прощание.

Щелкаю мышкой еще раз и неожиданно испытываю шок. Снимок, сделанный с уровня пола, похож на картину в технике гризайль – монохромный, в оттенках теплых цветов, он достоин быть кадром из фильма Питера Гринуэя «Отсчет утопленников». Это снимок настоящего художника. У подножия кровати в большой луже недавно свернувшейся крови отражается окно, перед которым видно силуэт человека, стоящего против света. Багрово-красная лужа немного сливается с красным постельным бельем, контрастируя с постельным оранжевым цветом стен на заднем плане. Картина настолько четкая, что я внезапно чувствую сладковатый теплый аромат, какой бывает при массивном кровотечении. Мой завтрак начинает быстро подниматься, но останавливается на уровне зубных дуг. Я видел картины и похуже, но

сейчас такого совсем не ожидал, поэтому мое воображение вышло из-под контроля и воссоздало в сознании этот запах с такой же силой, как если бы я сам стоял сейчас в луже крови. Невыносимый запах.

Приложив усилие, я глотаю содержимое желудка, которое оставляет очень неприятный кислый привкус в задней части горла, и будто бы вновь вижу несколько коротких кадров из фильма, в котором коронер, такой англосаксонский судмед-эксперт, покрывает убийства трех мужчин, чтобы спать с их женами, прежде чем самому стать жертвой этих женщин. На ум мне приходит фраза его сына: «Понедельники – это дни красной краски...» Или вторники? И кто это сказал – сын коронера или девушка, считавшая звезды, прыгая через скакалку? Уже не помню. В любом случае не люблю понедельники.

Фраза «Меня тоже это беспокоит...» выводит меня из раздумий.

Это изображение я рассматривал дольше, чем все остальные, и следовательно не упустил это из виду. Наконец мой взгляд отрывается от экрана. Я задаю вопрос о личности жертв и получаю лаконичный ответ. Видимо, увидев этот толстый слой крови, мой следователь вновь погрузился в мучения. Но имена жертв не напоминают мне ни о каком деле: ни старом, ни новом.

Обычно живым уделяют намного больше внимания,

и, обследовав, иногда несколько раз, пациентов на предмет насилия в отделении судебной медицины, я, случается, обнаруживаю их закономерно окончившими свой путь на секционном столе под моим скальпелем.

С этой парой дело обстоит не так. Ничто не предвещало такого исхода. В любом случае, принимая во внимание сцену происшествия, я сразу же исключаю насилие между супругами.

Наружный осмотр тел можно было бы проводить все утро, чтобы оценить весь масштаб кровавой резни. Но я использую свой любимый метод, его принципы – прагматичность и заострение внимания на тех деталях, которые приведут к самой сути. Вместо того чтобы делать длинные описания каждой раны, я делаю общие снимки, затем крупные планы, представляющие интерес. Этот метод позволяет зафиксировать всю необходимую информацию в нескольких кадрах, чтобы дальше использовать их в качестве схем в отчете и на судебных заседаниях.

Обе жертвы получили многочисленные колото-резаные¹³ ранения, очевидно нанесенные одним и тем же орудием при помощи одного и того же повторяющегося движения: колющего удара лезвием не более восьми миллиметров шириной. Некоторые раны окружены прямоугольным ореолом размером двадцать на шесть миллиметров. Эти следы соответству-

¹³ Популярный в медиа термин «ножевое ранение» на самом деле не употребляется профессионалами в этом контексте. – *Прим. ред.*

ют отпечаткам рукоятки – видимо, лезвие проникало внутрь до самой гарды¹⁴.

Человеческий мозг – удивительная вещь. Когда не нужно воображение, работает память. Всплывает очень старый образ: рана с точно такими же характеристиками, результат одиночного удара в грудь лезвием открывалки для бутылок с лимонадом. К несчастью, тогда конец пятисантиметрового лезвия прорезал в сердце маленькую дырочку, ровно такую, чтобы могла наступить смерть. Глупая гибель: жертва попала в банде, жаждущей насилия, в промежутках между попытками ограбления и групповыми изнасилованиями.

Это было в районе Тура. Тогда судебная экспертиза была организована не так, как сейчас, и мне пришлось экстренно подменить местного судмедэксперта, который находился в отпуске. Это было по уважительной причине и, конечно же, в обмен на ответную услугу. Что касается виновного, бармена по профессии, то он просто использовал свой привычный рабочий инструмент.

Но вернемся к нашей паре. Женщина, около шестидесяти лет, получила примерно шестьдесят ударов, в основном в живот. У мужчины, возраст которого, кажется, приближается к семидесяти годам, имеются следы самообороны на ру-

¹⁴ Гарда (*gard*) – часть клинкового оружия и (или) инструмента, служащая для защиты руки владельца от удара оружием противника и соскальзывания кисти на собственный клинок. – *Прим. ред.*

ках и предплечьях и семьдесят ран, разбросанных по всему телу.

Оба получили столько ножевых ранений, сколько им лет. Стечение обстоятельств? Или импровизированный праздник в стиле «С днем рождения, предки»?

Эти маленькие раны – ничто по сравнению с самыми впечатляющими: горло у обеих жертв перерезано от уха до уха. Две зияющие раны, ярко выраженные, без малейших признаков остановки лезвия, которые могли бы свидетельствовать о колебаниях убийцы.

Я навожу уже свой объектив в поисках лучшего ракурса. Не для того, чтобы соревноваться с художником с места преступления, а чтобы иметь в одном снимке большую часть информации о нанесенных ударах: ориентация удара в начале и в конце, перерезанные сосуды, насечки от ножа на позвонках...

Я не могу представить себе, как небольшим лезвием открывалки для бутылок можно нанести такие раны.

– Вы нашли оружие?

– Оружие? М-м-м, да, сейчас принесу вещдок, – отвечает мне полицейский.

Когда я заканчиваю, следователь возвращается с вещдоком. Сквозь пластик я сразу узнаю первоклассный японский нож с деревянной ручкой – вероятно, из красного дерева – и клинком из дамасской стали. Согласно этой технологии, очень твердый (и хрупкий) стальной сердечник покрывается

несколькими слоями более мягкой стали. В результате получается нож исключительной твердости, остроты, гибкости и прочности, а также уникальной красоты. Это универсальный кухонный нож с лезвием длиной 21,5 сантиметра. Идеально подходит для нарезки мяса, рыбы и овощей или... разрезания шеи. Но я сразу же понимаю, что им нельзя нанести множественные маленькие раны, изрешетившие тела, потому что его клинок слишком широк. Прежде чем я успеваю смягчить свои слова, как стараюсь поступать обычно, у меня вырывается:

– А открывалка?

– Открывалка? Какая еще открывалка?

– Из тех, что для лимонада, знаете, у официантов они часто висят на цепочке, чтобы не потерять...

– У него в руках был нож, весь в крови. На кой ему сдалась открывалка?

– У него? У кого?

– У Бена, их сына. Его нашли в саду, лежал там в прострации. А что, нож не подходит?

– Да нет, подходит, но к ранам на горле. А к остальным – нет, лезвие слишком широкое.

– А, теперь понятно.

Но не мне. Наш следователь ведет себя по меньшей мере странно.

Звонит его смартфон, прерывая наш диалог. Следователь выходит из секционного зала, но я услышал достаточно, что-

бы понять, что на линии прокурор. Пока они разговаривают, я успеваю достать инструменты из ящика и мысленно подготовиться к первому вскрытию. Галантность обязывает меня начать с дамы. Но едва я выровнял инструменты на столе и поместил даму на секционный стол, как старший следователь возвращается.

– Не нужно, доктор. У нас уже есть все необходимое. На этом можно закончить.

– Вскрытия не будет?

– Приказ прокурора. Не будет ни уголовного преследования, ни суда, преступник найден, дело закрыто.

– Найден? Дело закрыто? Это же двойное убийство! А как же два орудия? И потом, я же еще ничего не сделал!

– Вы ошибаетесь: вы уже дали то, чего нам не хватало – открывалку для бутылок.

– Может быть, пора рассказать мне подробнее, вам так не кажется?

– Простите, я что-то сегодня не форме. Видите ли, вся эта кровь, этот шизофреник... Я как будто почувствовал себя на месте жертв.

– Вот это да! Не хотите обратиться к одному из наших судебных психиатров? Или хотя бы к психологу? Хороший разбор полетов пойдет вам на пользу.

– Нет-нет, я в порядке.

Он делает паузу, глубоко вздыхает и начинает рассказывать:

– Я объясню. Мы с женой долго думали, что у нашего сына шизофрения. Мы таскали его от психиатра к психиатру, пока не поняли, что его припадки случались от того, что он курил каннабис. По моей просьбе ваш токсиколог неофициально измерил содержание ТГК¹⁵ в его траве – результаты поразительные. Он раздобыл этот недерхаш в Нидерландах, а в нем ТГК до 67 %. Безумие. Он становился жестоким, угрожал. Я тогда боялся за нас, спал со служебным оружием под подушкой, хотя понимал, что никогда не смогу застрелить сына. В итоге он прошел детоксикацию, на это ушло больше десяти лет, очень тяжелых. А в сегодняшнем деле сын – действительно шизофреник...

– Понимаю. Но, не считая того, что его обнаружили лежащим с ножом, почему вы думаете, что убил он?

– У нас есть его признание.

– Он признался? После приступа психоза? И этого вам достаточно? Как-то несерьезно.

Следователь наконец улыбается.

– Нет, он позвонил в скорую помощь.

– В каком смысле? Он убил их, а потом вызвал скорую?

– Нет. Насколько мы понимаем, они были еще живы, когда он позвонил. На записи разговора парень говорит очень путано, врач пытается разобраться в происходящем, задает ему вопросы. У меня есть запись на компьютере. Вот, послушайте.

¹⁵ Тетрагидроканнабинол. – Прим. ред.

Полицейский запускает аудиофайл. После долгих минут, потраченных на получение адреса звонящего, дежурный передает звонок доктору.

- Мои родители истекают кровью.
- Месье, что с ними происходит?
- Не знаю. У них идет кровь. Быстрее приезжайте.
- Не волнуйтесь. Кровотечение сильное?
- Да, приезжайте скорее.
- Вы можете зажать раны?
- Нет.
- Они еще дышат?
- Не знаю.
- Не могли бы вы пойти посмотреть?

Трубку положили. Я слышу звук шагов и долгую тишину после. Врач беспокоится.

- Алло, месье? Вы там?
- Да, вот и все. На этот раз уж точно.
- Что точно?
- Они не дышат.

Он отложил трубку, вернулся в спальню, перерезал горло своим умирающим родителям, а затем вернулся ответить скорой.

Признав невменяемым, его поместили в специализированное психиатрическое учреждение. Судебный медик с трудом во всем разобрался, ему пришлось объяснять суду, что множественные маленькие раны сами по себе были смер-

тельными и что было уже слишком поздно спасать любую из жертв. Что касается открывалки для бутылок, помытой и поставленной на место, генетический анализ показал, что на ней остались микроскопические следы крови обоих родителей.

В тот же вечер мы со следователем провели собственный психологический разбор полетов в Пале-де-ля-бьер за разливным пивом. И никаких открывалок.

Я решительно не люблю понедельники.

Драма в бункере

Я не из тех, кто сочувствует всем на свете. Такая уж у меня профессия. Когда выезжаешь на место преступления или заходишь в секционный зал, лучше на время работы оставлять сочувствие в раздевалке. Только так можно разграничить личную и эмоциональную жизнь. Но из каждого правила есть исключения. Как, например, этот приступ сплина, накотивший на меня однажды вечером весной 2013 года после дня, проведенного в суде ассизов в городе Сент.

Я веду автомобиль по автостраде, убаюканный потоком новостей, льющим с «Франс-инфо». Наслаждаюсь лучами солнца, которые освещают поля подсолнухов, зная, что это продлится недолго: вдалеке вырисовывается огромная полоса чернильно-черного облака, предвещающая грандиозную грозу. Обдумываю слушание. Одно из многих, ничего особенного. Я дал показания, ответил на вопросы. Рутина.

И все же не совсем.

По дороге домой меня охватило странное чувство. Что-то вроде волны горечи, связанной с образом жертвы, о которой шла речь во время слушания. Медсестра, решившая посвятить свою жизнь другим, а после погрузившаяся в алкоголизм и бродяжничество.

Заседание всколыхнуло воспоминания, вызвав в памяти картину места, где было обнаружено тело. Я как будто бы

пережил этот момент заново.

Когда я прибыл в Ла-Рошель в мае 2011 года, была уже глухая ночь. Вызвавший меня полицейский сказал, что нужно искать стоянку возле железнодорожного вокзала, в двух шагах от отеля «Меркюр». Точных GPS-координат у меня нет, поэтому нахожу ее не сразу. Наконец мое внимание привлекает интенсивный ореол света, который выводит меня к машине спасателей.

Я паркую автомобиль, внутренне улыбаясь: даже мертвым не обойтись без спасателей!

Сегодня они предоставляют нам оборудование. Их генератор мурлычет в углу, подавая электричество на осветительный шар, закрепленный на шесте. Место преступления отмечено классической желтой лентой. Резкий свет освещает двух криминалистов в белых комбинезонах. Они сгорбились над рюкзаком. Никакого тела на горизонте. Рядом с криминалистами, на старом строительном поддоне, я замечаю совсем неуместный здесь горшок с остеоспермумом восхитительной красоты, с интенсивно-зеленой листвой и цветами, оранжевыми с примесью фуксии.

Нахожу старшего следователя.

– Добрый вечер, туда пока нельзя, там работает команда криминалистов из Орлеана.

– Из Орлеана? Не далекоовато ли от Ла-Рошели?

– Да, но прокурор не хочет, чтобы говорили, будто мы жалеем средства на расследование смерти бомжей. Хотя наши

ребята ничуть не хуже...

– Я знаком с ними и нисколько в них не сомневаюсь. Но где же работают криминалисты?

Я не вижу ничего, кроме горшка и рюкзака.

– В старом бункере времен последней войны, там, в зарослях рядом со стоянкой. Этот бункер превратился в своего рода пристанище для местных бездомных. Между прочим, о теле нам сообщил бомж.

– А где он?

– Спасатели отвезли его в больницу. Он был совершенно потрясен. Когда мы прибыли, он показал нам труп женщины в бункере, а потом рухнул как подкошенный. Шок. Как мы понимаем, это была его подружка. Его самого положили в психиатрию, подлечить. Кстати, он там оказывается не впервые.

– Понятно, спасибо. Я подожду.

К счастью, у меня с собой термос с кофе.

Горячий кофе – незаменимая вещь во время ночных бдений возле трупа.

Вот уже добрых два часа я регулярно потягиваю свою дозу кофеина, уютно устроившись в машине. Когда прибывает прокурор Ла-Рошели, криминалисты с осветительными шариками за спиной уже давно исчезли в бетонном бункере. Прокурор еще раз вкратце рассказывает мне о бомже, укававшем на тело, и о своих первых наблюдениях. Бедняга искал свою подружку, от которой к тому моменту не было ни

слуху ни духу уже неделю. Он обыскал все излюбленные места бездомных и только потом нашел ее в бункере, где они время от времени встречались. Ее зовут Сильви К., 46 лет, бывшая медсестра, полностью маргинализованная.

Наконец криминалисты выходят из бункера. «Дело за вами, док, мы закончили. И держитесь там...» Я быстро понимаю, на что намекает парень. Уж точно не на способность бесстрашно лицезреть смерть. Мы с ними знакомы, так что они в курсе, что опытному судебному эксперту нечего тут доказывать. Нет, в этом случае мужество нужно, чтобы противостоять горам всевозможного мусора, затрудняющим движение. Облаченный с головы до ног в защитную экипировку, я осторожно продвигаюсь и вхожу в помещение. Это бывшее убежище для личного состава на случай бомбардировки, что-то вроде длинного очень узкого бетонного арочного коридора с выходами на каждом конце.

Я сразу спотыкаюсь о пружины матраса, едва удерживаясь на ногах, ударяюсь о куски поддона и наконец падаю на его разлагающиеся останки. К счастью для моего эго, свидетелей нет. Упорствуя в своей неловкости, я настойчиво погружаюсь в залежи чего-то неопределенного – иногда твердого, иногда мягкого, – что заставляет меня задуматься, не ступаю ли я по нашему трупу.

Пройдя несколько метров, я замечаю часть человеческого лица, едва выступающего из отвратительной груды хла-

ма. Остальное тело не видно, на нем лежат по меньшей мере пружинная сетка, гнилой стул, под завязку набитые мусором мешки, старое одеяло, какой-то пластиковый тент... Мой инвентарный список далеко не исчерпывающий, но я предпочитаю на этом остановиться. Делаю цифровое фото крупным планом. Приблизив изображение на экране, я различаю в углу левого глаза жертвы великолепных личинок – это признак поздней стадии разложения. Фото также позволяет мне оценить точное положение тела, чтобы не раздавить его, если придется подойти ближе. Нет, стоя вполоборота к выходу, я тут много не разгляжу.

Выбравшись на поверхность, я показываю фото прокурору и объясняю, что придется все расчистить, чтобы вытащить тело. Все возражают, поочередно встают за моей спиной, чтобы посмотреть на снимок, прежде чем признать, что так действительно ничего не видно. Показ окончен, всем все понятно, и наши взгляды обращаются на спасателей.

Им всегда достается грязная работа. Когда не спускаются в ямы сорок метров глубиной для извлечения тошнотворных останков с душком протухшей рыбы, они погружаются в холодные мутные воды, чтобы добраться до попавшего в аварию автомобиля.

Итак, в перчатках и защитной обуви спасатели приступают к делу и вытаскивают по ходу продвижения килограммы мусора. Полицейский внимательно осматривает каждую

порцию на случай, если в ней есть что-нибудь полезное для расследования. Напрасно.

Завершив первый этап, спасатели начинают осторожно высвобождать труп. По количеству наваленных на него предметов можно сделать вывод, что тело явно пытались скрыть. Я думаю про себя, что парню невероятно повезло, раз он нашел ее под всем этим. Если только спрятал ее не он сам. Логичное предположение...

Когда тело жертвы наконец появляется из океана мусора, мы видим, что оно полуобнажено, на нижней части тела остались только носки.

Спасатели отошли в сторону, чтобы дать мне пространство для работы. В бункере они поставили маленький осветительный шар. Освещение у них фантастическое: я вижу лучше, чем при свете дня. Хм, миазмы тошнотворные.

Сделав несколько снимков, чтобы зафиксировать сцену, я тут же раздеваю тело жертвы, разрезая все слои одежды лезвием бритвы. В порядке появления: черная куртка типа ано-рака, красно-оранжевый свитер, красная футболка и бюстгальтер. Кроме подозрительных следов зеленоватого цвета на голове, обильно покрытой опарышами, ничего особенного я не замечаю. Поэтому перед тем как тело будет передано службе перевозки, действую по стандартной схеме: заворачиваю голову и руки в пакеты из крафтовой бумаги, чтобы сохранить улики.

Сейчас четыре утра, я допиваю остатки кофе из термоса,

все еще теплого, заставляя себя вернуться в бункер.

Теперь, когда тело извлекли, я хочу посмотреть, не было ли под ним чего-нибудь интересного. Было, да еще какое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.